

ПРОТОКОЛ ДОПРОСАсвидетеля М О Ч Н О В А Ивана Георгиевичаот 13 декабря 1956 года

МОЧНОВ Иван Георгиевич, 1906 года рождения уроженец дер. Осеево, Шелковского района, Московской области, русский, гражданин СССР, преподаватель Ленинградского военно-морского нахимовского училища, прож. г. Ленинград, ул. Союза Печатников, дом 18/20, кв. 73.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупрежден. МОЧНОВ.

Вопрос: Расскажите, что была за обстановка в период Вашей работы в 3-м отдела УНКВД Московской области.

Ответ: На работу в УНКВД по Московской области в 3-й отдел я пришел в феврале-марте 1937 года после окончания годичной межкраевой Московской школы НКВД. В 3-м отделе первоначально я работал оперуполномоченным, а затем старшим оперуполномоченным, начальником отделения и начальником 3-го отдела. С должности начальника отдела в августе 1939 года из органов НКВД был уволен, а после этого, спустя 4 месяца я был исключен из партии с формулировкой "за извращение следственной практики во время работы в органах НКВД".

Вопрос: В чем состояло извращение следственной практики?

Ответ: Извращения следственной практики в тот период заключались в том, что в отделении 3 отдела, где я первоначально был оперуполномоченным, практиковались необоснованные массовые аресты советских граждан по директиве. В ходе следствия по их делам к арестованным применялись меры физического воздействия, а некоторых арестованных, которые упорно не давали признательны показаний, направляли в Лефортовскую тюрьму на особый режим.

Я лично сам видел как применялись меры физического воздействия к арестованным. Как в самом здании Управления в служебном помещении, так и в тюрьмах Таганской и Бутырской. Обычно применение мер физического воздействия практиковалось в служебных помещениях Управления, куда арестованных привозили из тюрьмы и здесь помогали сотрудники отделения допрашивать и применять меры физического воздействия. Меры физического воздействия к арестованным, как я помню, применяли все сотрудники отделения.

Бывая на допросах в тюрьме, я также видел лично сам как меры физического воздействия к арестованным применяли и другие сотрудники других отделений и отделов Управления. В тюрьме как правило допрос производился ночью и в следственной, где работали следователи, были слышны крики и стоны арестованных, и арестованным, которые не давали нужных показаний, приходилось говорить "Слышите, и с Вами так может получиться". После этого в ряде случаев арестованные давали нужные признательные показания. При этом поскольку меры физического воздействия в тот период применялись ко многим арестованным и арестованные, находясь в камере это видели - избитых своих рднокамерников, то на допросах они часто приходи испуганные и готовые к даче показаний.

Показания лиц, к которым применялись меры физического воздействия и запугивание, часто служили материалом для ареста других лиц, а потом в дальнейшем ходе следствия с ними же делались очные ставки.

Меры физического воздействия, как я помню, к арестованным применяли КОСЫРЕВ, ШЛИХТ Феодосия Алексеевна, МОРОЗОВ, ИВАНЕНКО, ВЕРШНИН и ВОЛЬФСОН. О последнем я давал показания в 1939 году в Аппарате Особуполномоченного и на суде.

Работая в 3-м отделе, я также к арестованным применял меры физического воздействия, но к кому конкретно, ввиду давности времени, я сейчас не помню.

Вопрос: Расскажите, в чем конкретно выражались меры физического воздействия?

Ответ: Как я помню, ШЛИХТ избивала арестованных резиновой палкой, вырезанной из шины конной пролетки. Палка у нее была длиной около 50 см. Притом она также практиковала избивание арестованных пряжкой своего ремня. Остальные сотрудники, которых я указал выше, в том числе и я, применяли кулаки. Я лично посторонними предметами не пользовался.

Применение мер физического воздействия к арестованным особенно сильно практиковалось в 1937 году и в первой половине 1938 года.

Вопрос: Знали ли Вы по совместной работе ДУДИКОВА?

Ответ: ДУДИКОВА я знал по совместной работе как начальника отдела. Я в это время работал начальником отделения. Лично ДУДИКОВ присутствовал у меня на допросах арестованных в моем рабочем кабинете, но случаев применения мер физического воздействия к арестованным с его стороны мне неизвестно. Как начальник отдела он корректировал некоторые протоколы допросов арестованных, после чего давал указания передпрашивать арестованных. Практиковали и такие случаи, когда он корректировал так называемые обобщенные протоколы по некоторым делам, которые после корректировки переписывались и давались на подпись арестованным. Знал ли ДУДИКОВ о применении мер физического воздействия к арестованным в период его работы начальником отделения я сказать затрудняюсь.

Кроме указанных мною лиц меры физического воздействия к арестованным применял также СВИРСКИЙ.

Вопрос: Вследствие применения мер физического воздействия к арестованным имели место увечья арестованных?

Ответ: Поскольку я отношения по работе с тюремной администрацией не имел, а поэтому сигналов ко мне об увечии арестованных не поступало.

Вопрос: Из материалов архивно-следственных дел на КАВЕЛЬМАХЕРА, БАРАНОВСКОГО, ЛАЗАРЕВУ, ДЕМБРОВСКОГО, ДЕВЕЛЬ, ДАВЫДОВА, ГЕРШЕНЗОНА, КОРМЕРА и других, по которым следствие вели вы и другие участвовали, видно, что эти дела велись неэффективно, привлечены они были без доказательств. Кроме того, передопрошенные в качестве свидетелей БАРАНОВСКИЙ, ЛАЗАРЕВА, ДЕМБРОВСКИЙ и КРЕМЕР показали, что они признательные показания тогда в 1938 году давали вследствие применения к ним мер физического воздействия, а первоначально они виновными себя не признавали. Дайте показания, почему Вы так неэффективно вели следствие по их делам. Дела их Вам представляются.

Ответ: Ввиду давности времени содержание дел, по которым я вел следствие, я не помню. В процессе следствия по делам, как я показал выше, мною применялись меры физического воздействия по отношению к арестованным, но конкретно какие к каждому, ввиду давности времени я не помню. Показания КОРМЕРА, с которыми я ознакомлен и что я его во время следствия якобы сажал копчиком на угол спинки стула, я это отрицаю, т.к. этим методом я никогда не пользовался. Работая в органах я на работу ходил всегда в форме и во время допроса арестованных даже ремня с себя не снимал, считал это неприличным, а пользовался только кулаком иногда, как показал выше. Какие конкретно были нанесены телесные повреждения КОРМЕРУ, БАРАНОВСКОМУ и другим я не знал и мне тогда не было об этом известно. С показаниями КОРМЕРА и БАРАНОВСКОГО о применении к ним мер физического воздействия с моей стороны я ознакомился и считаю, что с их стороны является явное преувеличение обстоятельств, изложенных ими фактов.

В отношении КОРМЕРА я сейчас вспоминаю некоторые детали нашей первой встречи, что он тогда еще на одно ухо плохо слышал и к одному уху прикладывал руку и поварачивался к следователю боком.

Вопрос: Допрошенные в качестве свидетелей БАРАНОВСКИЙ, ВИТКОВСКИЙ и другие показали, что протоколы допросов во время предварительного следствия писались не с их слов, а сочинялись следователем и давались им подписывать.

Дайте показаний по этому вопросу.

Ответ: Я лично, первоначально, когда допрашивал обвиняемого протокол допроса писал в присутствии обвиняемого и старался записывать по возможности с его слов. Но был такой случай, как я показал выше, когда ДУДИКОВ дал указание мне переработать протокол допроса по делу ВИТКОВСКОГО, КОРМЕРА, и других, но какого арестованного персонально я не помню. В этом случае протокол допроса мною был переработан в кабинете, показан ДУДИКОВУ и после этого дан на подпись обвиняемому.

Вопрос: 5 июня 1939 года Вы были допрошены по делу ДУДИКОВА. В своих показаниях по его делу указывали, что ДУДИКОВ умышленно тормозил работу отдела. В чем это заключалось, расскажите конкретно.

Ответ: В чем конкретно заключалось торможение ДУДИКОВЫМ работы отдела я сейчас ввиду давности времени привести не могу. В тот период нашим отделением много было арестовано харбинцев, которые при допросах называли фамилию ДУДИКОВА в числе своих знакомых. Когда ему докладывали эти дела, то он мне лично говорил, что он некоторых из них знает по заграничной работе и по некоторым делам давал указание о прекращении их. Конкретные дела ввиду давности времени привести не могу. Это дало мне основание думать тогда и дать тогда показания по его делу, что он тормозил работу отделения, которое обслуживало Восток. Сейчас я эти показания свои не подтверждаю и считаю, что они были даны мною ошибочно, так как я был молодым и малоопытным работником, неумевшим оценить по настоящему обстановку.

Вопрос: Чем желаете дополнить свои показания ?

Ответ: Я ничего не имею добавить к своим показаниям.

Протокол мною прочитан, ответы с моих слов записаны правильно. МОЧНОВ.

ДОПРОСИЛИ: ПОМ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА МВО
ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ (ГОРБОВ)

И.О.СЛЕДОВАТЕЛЯ СЛЕДОТДЕЛА УКГБ по г.МОСКВЕ
ПОДПОЛКОВНИК (ПОЛЯНСКИЙ)

К
опия верна: СТ СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДОТДЕЛА УКГБ г.МОСКВЫ
КАПИТАН (МАЛЬЦЕВ)